

УКД 159.9

DOI: 10.34670/AR.2026.77.21.014

Психологическая травма материнской сепарации в контексте женской инкарцерации: систематизация международного опыта

Елагина Анна Сергеевна

Кандидат экономических наук, доцент,
кафедра экономических дисциплин,
Еврейский университет,
127273, Российская Федерация, Москва, ул. Отрадная, 6;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Новиков Алексей Валерьевич

Доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, профессор;
Член Союза журналистов России (Московское региональное отделение);
главный научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
профессор кафедры уголовного права и правоохранительной деятельности,
Астраханский государственный университет,
414056, Российская Федерация, Астрахань, ул. Татищева, 20-а;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Слабкая Диана Николаевна

Старший научный сотрудник,
Научно-исследовательский институт Федеральной службы исполнения наказаний России,
125130, Российская Федерация, Москва, ул. Нарвская, 15-а;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Аннотация

Статья посвящена анализу психологических последствий материнской сепарации, возникающей вследствие помещения женщины в условия изоляции от общества. На основе систематизации современных эмпирических исследований и теоретических подходов рассматриваются универсальные механизмы травматизации, связанные с разлучением матери и ребёнка в пенитенциарных условиях. Показано, что принудительная сепарация приводит к фундаментальной дезинтеграции материнской идентичности, которая сопровождается стойкими аффективными расстройствами — депрессией, тревогой, чувством вины и стыда, а в тяжёлых случаях — самоповреждающим и суицидальным поведением. Особое внимание уделяется феномену нарушения привязанности как базового психологического механизма, лежащего в основе травматических переживаний. Обосновывается необходимость применения травма-информированного подхода в пенитенциарной практике, предполагающего признание адаптивной природы дистресс-

реакций и переосмысление институциональных процедур взаимодействия с женщинами, имеющими детей. С позиций социо-экологической модели анализируется системная уязвимость женщин-матерей, определяемая совокупностью индивидуальных, межличностных, общественных и институциональных факторов, среди которых особое значение имеют социально-экономическое неравенство, стигматизация и ограниченный доступ к ресурсам поддержки. Рассматриваются проблемы реинтеграции и восстановления материнской идентичности после освобождения, включая барьеры, связанные с жилищной нестабильностью, утратой опеки и дефицитом специализированных реабилитационных программ. Делается вывод о том, что эффективное преодоление последствий сепарационной травмы требует системных изменений пенитенциарной политики, включающих расширение доступа к психологической помощи, создание условий для поддержания контакта с детьми, внедрение альтернативных мер воздействия для беременных женщин и матерей с малолетними детьми, а также разработку гендерно-чувствительных программ социальной реинтеграции. Результаты исследования имеют значение для психологии травмы, пенитенциарной психологии, социальной работы и разработки институциональной политики в сфере исполнения наказаний.

Для цитирования в научных исследованиях

Елагина А.С., Новиков А.В., Слабкая Д.Н. Психологическая травма материнской сепарации в контексте женской инкарцерации: систематизация международного опыта // Психология. Историко-критические обзоры и современные исследования. 2026. Т. 15. № 7А. С. 153-164. DOI: 10.34670/AR.2026.77.21.014

Ключевые слова

Материнская сепарация, женская инкарцерация, психологическая травма, материнская идентичность, нарушение привязанности, депрессия, тревога, самоповреждающее поведение, травма-информированный подход, социо-экологическая модель, реинтеграция, пенитенциарная психология, виктимизация, стигматизация.

Введение

Увеличение численности женщин, подвергающихся изоляции от общества, которое с 2000 года устойчиво превышает темпы роста мужского контингента в учреждениях закрытого типа, актуализирует необходимость системного психологического анализа тех уникальных механизмов травматизации, которые возникают при разлучении матери и ребёнка в условиях лишения свободы передвижения и выбора образа жизни [Masson, 2019; Glaze, Maruschak, 2016].

Согласно эмпирическим данным, от 75 до 80 процентов женщин, находящихся в учреждениях закрытого типа, являются матерями, причём подавляющее большинство из них — до 84,7 процента — выступали единственными опекунами своих детей до момента задержания [Glaze, Maruschak, 2016; Masson, 2019]. Данное демографическое обстоятельство создаёт принципиально иную психологическую динамику отбывания срока изоляции по сравнению с мужской популяцией, где лишь около 46,6 процента осуждённых отцов имели первичную опеку над детьми [Glaze, Maruschak, 2016]. Таким образом, женская инкарцерация сопряжена с разрушением не только индивидуальной свободы, но и фундаментальной социальной связи —

диады «мать-ребёнок», что придаёт процессу отбывания наказания специфическое психологическое измерение, отсутствующее в случае мужского контингента [Berry, Eigenberg, 2003; Masson, 2019].

Психологические последствия принудительной сепарации приобретают характер глубинной, соматически переживаемой травмы, которая, согласно современным исследованиям, не ограничивается реакциями острого горя, но трансформирует саму структуру материнской идентичности и создаёт устойчивые паттерны психологического неблагополучия, сохраняющиеся на протяжении всего периода изоляции и после освобождения [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Проект «Lost Mothers», реализованный под руководством женщин с непосредственным опытом изоляции от общества и материнской сепарации, демонстрирует, что переживание разлуки с ребёнком описывается участницами как «висцеральная, воплощённая травма», сопровождающаяся интенсивным горем, нарушением чувства собственной идентичности как матери и глубокими, длительно неудовлетворёнными эмоциональными потребностями [Avlonitis, Abbott, 2026].

Важно подчеркнуть, что универсальность данного психологического феномена не отрицает его культурно-специфических модуляций; однако фундаментальные механизмы, такие как нарушение привязанности, утрата материнской роли, чувство вины и стыда, а также утрата смыслообразующих жизненных ориентиров и демонстрируют сходство в различных национальных контекстах [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Masson, 2019]. Отмечается, что женщины из числа этнических меньшинств и представительницы низких социально-экономических слоёв непропорционально широко представлены в системе изоляции, что указывает на пересечение травмы сепарации с комплексом социальных уязвимостей и системного неравенства [Glaze, Maruschak, 2016; Thompson, Newell, 2021]. В Соединённых Штатах Америки афроамериканские женщины составляют 48 процентов женского контингента учреждений закрытого типа при 12,3 процента в общей популяции, а латиноамериканки — 15 процентов при 12,5 процента в общей популяции [Glaze, Maruschak, 2016]. Указанные диспропорции свидетельствуют о том, что проблема материнской сепарации неразрывно связана с более широкими социально-экономическими неравенствами, которые требуют отдельного концептуального рассмотрения [Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021].

Основное содержание

Материнская идентичность как психологический конструкт представляет собой сложную, многоуровневую систему представлений о себе в роли матери, включающую когнитивные, аффективные и поведенческие компоненты, интегрированные в общую Я-концепцию женщины [Berry, Eigenberg, 2003]. В условиях принудительной сепарации вследствие изоляции от общества происходит фундаментальная дезинтеграция данного структурного образования, что проявляется в нескольких взаимосвязанных психологических феноменах [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Прежде всего, следует рассматривать нарушение возможности выполнения базовых материнских функций, таких как заботы, защиты, эмоциональной регуляции и физического присутствия, что создаёт когнитивный диссонанс между внутренним образом себя как матери и фактической невозможностью реализации соответствующих поведенческих паттернов [Berry, Eigenberg, 2003; Piontkowski et al., 2026].

Данный диссонанс усугубляется тем обстоятельством, что большинство женщин, поступающих в учреждения закрытого типа, до момента задержания выполняли функции

единственного опекуна, и их арест зачастую происходит без возможности организовать временный уход за детьми [Glaze, Maruschak, 2016; Masson, 2019]. Отсутствие процедуры, позволяющей родителю произвести необходимые приготовления перед задержанием, создаёт ситуацию внезапной, травматической разлуки, которая по своим психологическим характеристикам приближается к экстренной, катастрофической утрате объекта привязанности [Masson, 2019]. Психотравмирующий эффект данного события усиливается тем, что утрата материнской роли происходит одновременно с утратой личной свободы передвижения, социального статуса и привычного жизненного уклада, создавая синдром множественной депривации [Thompson, Newell, 2021].

Исследования, проведённые в рамках проекта «Lost Mothers», выявляют специфический феномен «нарушенной материнской идентичности», при котором женщина перестаёт воспринимать себя как полноценного родителя, что сопровождается чувствами собственной несостоятельности, неполноценности и глубокого стыда [Avlonitis, Abbott, 2026]. Данное состояние не является временным или ситуативным — оно имеет тенденцию к хронификации и сохраняется даже в тех случаях, когда женщина поддерживает контакт с ребёнком посредством свиданий или переписки [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019]. Показательно, что переживание сепарации описывается как психологический эквивалент переживания утраты близкого человека, что указывает на глубинные механизмы траура, активируемые при разлучении матери и ребёнка [Avlonitis, Abbott, 2026]. Однако, в отличие от переживания утраты в результате смерти близкого, сепарация вследствие изоляции содержит элемент неопределённости и потенциальной возможности восстановления контакта, что создаёт дополнительное психологическое напряжение и препятствует завершению процессов горевания [Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021].

Теоретическое осмысление феномена нарушения материнской идентичности требует обращения к концепции объектных отношений и теории привязанности [Berry, Eigenberg, 2003; Masson, 2019]. Согласно ряда источников, качество привязанности между матерью и ребёнком формирует внутренние рабочие модели, определяющие последующие межличностные отношения и самооценку [Masson, 2019]. Принудительная сепарация нарушает не только актуальную связь, но и дестабилизирует внутренние репрезентации отношений, что ведёт к пересмотру женщиной своей идентичности в сторону негативных самовосприятий [Avlonitis, Abbott, 2026]. Механизм данного процесса может быть описан через концепцию «моральной травмы», при которой женщина воспринимает свою неспособность защитить и заботиться о ребёнке как фундаментальное нарушение собственного морального кодекса, что влечёт за собой глубокое чувство вины и самоосуждения [Masson, 2019].

Важным аспектом нарушения материнской идентичности является также феномен «материнского пренебрежения в отсутствие матери», при котором женщина, будучи лишённой физической возможности осуществлять заботу, начинает рассматривать любое негативное событие в жизни ребёнка как следствие собственной неспособности обеспечить его защиту [Berry, Eigenberg, 2003; Avlonitis, Abbott, 2026]. Данный феномен усиливается информированностью о том, что дети женщин, находящихся в изоляции, имеют повышенный риск различных форм неблагополучия, включая психологические расстройства, поведенческие проблемы и трудности в обучении [Glaze, Maruschak, 2016; Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Таким образом, ответственность за благополучие ребёнка продолжает выполняться женщиной на когнитивном уровне, что создаёт состояние перманентного эмоционального напряжения, не находящего разрядки в конкретных поведенческих актах [Masson, 2019].

Клинические проявления психологических последствий материнской сепарации в условиях изоляции от общества демонстрируют выраженную гетерогенность, однако исследователи выделяют ряд устойчивых паттернов психопатологической симптоматики, имеющих универсальный характер [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Депрессивные расстройства различных степеней тяжести занимают центральное место в структуре психологической травмы разлуки с детьми, что подтверждается как клиническими наблюдениями, так и количественными исследованиями [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Masson, 2019]. Депрессия в данном контексте не является изолированным расстройством настроения, но выступает как сложный синдром, включающий аффективные, когнитивные и соматические компоненты, связанные с утратой смысложизненных ориентиров и разрушением базовых социальных связей [Thompson, Newell, 2021].

Особое внимание в научной литературе уделяется феномену тревожных расстройств, возникающих вследствие невозможности контролировать благополучие и безопасность ребёнка [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Женщины, лишённые свободы передвижения, продолжают выполнять психологическую функцию заботы даже при отсутствии физической возможности осуществлять уход, что создаёт состояние перманентного стресса, связанного с постоянным опасением за здоровье, безопасность и психологическое состояние детей, оставленных на попечение третьих лиц [Masson, 2019; Piontkowski et al., 2026]. Данный тип тревожности существенно отличается от генерализованной тревоги и характеризуется конкретной направленностью и устойчивой связью с реальной жизненной ситуацией, что делает её трудно поддающейся традиционным методам психотерапевтической коррекции в условиях ограниченной доступности психологической помощи [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024].

Связь между материнской сепарацией и развитием тревожных расстройств может быть объяснена через механизм катастрофизации, при котором женщина в условиях информационной неопределённости склонна к негативным прогнозам относительно будущего ребёнка [Avlonitis, Abbott, 2026]. Исследования показывают, что женщины, поддерживающие регулярный контакт с детьми посредством свиданий и телефонных разговоров, демонстрируют более низкие показатели тревоги по сравнению с теми, чей контакт ограничен или отсутствует [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019]. Однако даже наличие контакта не исключает тревожных переживаний, поскольку свидания в условиях учреждения закрытого типа часто носят стрессовый характер, а телефонные разговоры ограничены во времени и подвергаются контролю, что создаёт ощущение поверхностности и недостаточной значимости общения [Piontkowski et al., 2026].

Наиболее тяжёлым последствием материнской сепарации выступает самоповреждающее поведение, которое в некоторых пенитенциарных системах рассматривается как одна из ведущих причин смертности среди женщин, подвергнутых изоляции [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Исследователи подчёркивают, что суицидальное поведение и акты самоповреждения у женщин в учреждениях закрытого типа тесно коррелируют с переживаниями, связанными с разлукой с детьми, и часто выступают как попытка совладания с невыносимыми аффектами вины, стыда и безнадёжности [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Тот факт, что самоубийство является ведущей причиной смерти среди женщин, находящихся в изоляции, в отличие от мужской популяции, где преобладают соматические причины смертности, подчёркивает специфику психологического бремени, которое несёт материнская сепарация [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024].

Клинические исследования демонстрируют, что самоповреждающее поведение у женщин в условиях изоляции часто принимает характер символического замещения: физическая боль

воспринимается как более переносимая, чем эмоциональная боль разлуки, и акт самоповреждения выступает попыткой восстановления контроля над телом в ситуации полной утраты контроля над жизнью [Masson, 2019]. Кроме того, самоповреждение может выполнять коммуникативную функцию, будучи направленным на привлечение внимания персонала и получение медицинской или психологической помощи, которая в обычных условиях недоступна [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Данные наблюдения подтверждают необходимость разработки специализированных программ профилактики самоповреждающего поведения, учитывающих специфические психологические механизмы, лежащие в основе данного феномена [Masson, 2019; Dennison et al., 2026].

Значительный вклад в понимание психологических последствий женской инкарцерации вносит концепция вторичной виктимизации, которая описывает процесс усугубления исходной травмы вследствие неадекватных институциональных реакций на переживания женщин, подвергнутых изоляции [Masson, 2019; Kelman, б.г.]. Многие женщины, поступающие в учреждения закрытого типа, имеют в анамнезе травматический опыт насилия, распространённость посттравматического стрессового расстройства среди этой категории значительно превышает аналогичные показатели как в мужской популяции, так и среди женщин в целом [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. Отсутствие психологической поддержки и гендерно-чувствительного подхода со стороны персонала усугубляет состояние посттравматического стресса и может быть квалифицировано как форма институциональной виктимизации [Kelman, б.г.; Masson, 2019].

Травма-информированный подход, который в последние годы получает всё большее признание в пенитенциарной психологии, предполагает признание того факта, что многие проявления психологического дистресса у женщин в условиях изоляции представляют собой адаптивные реакции на травматический опыт, а не патологические симптомы [Kelman, б.г.; Masson, 2019]. В контексте материнской сепарации травма-информированный подход требует переосмысления практик организации свиданий с детьми, подготовки персонала к взаимодействию с юными посетителями и создания условий, минимизирующих дополнительные травматические переживания как для матери, так и для ребёнка [Piontkowski et al., 2026; Dennison et al., 2026]. Современные исследования указывают на то, что процедуры принятия решений в отношении размещения женщин в специализированных учреждениях, где возможно совместное проживание с младенцами, нередко сами по себе становятся дополнительным источником стресса и травматизации, что требует разработки более прозрачных и гуманных процедур [Masson, 2019; Friedman, Kaempf, Kauffman, 2020].

Эмпирические данные свидетельствуют, что внедрение травма-информированных программ и подходов, включающих элементы осознанности и психообразования, может способствовать снижению симптомов депрессии и тревоги у женщин, имеющих опыт изоляции [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Dennison et al., 2026]. Однако такие программы требуют системной поддержки и не могут быть эффективно реализованы в изоляции от других институциональных изменений [Kelman, б.г.]. Кроме того, существует проблема вторичной травматизации среди персонала и волонтеров, работающих с женщинами в условиях изоляции, что указывает на необходимость обеспечения регулярной психологической поддержки и супервизии для всех участников процесса реабилитации [Kelman, б.г.; Dennison et al., 2026].

Концепция вторичной виктимизации в контексте материнской сепарации может быть рассмотрена на нескольких уровнях [Masson, 2019]. На первом уровне происходит непосредственное травматическое событие — арест и разлучение с ребёнком [Glaze, Maruschak,

2016; Masson, 2019]. На втором уровне — взаимодействие с системами опеки и правосудия, которые часто не учитывают психологические потребности матери и ребёнка и могут принимать решения, углубляющие травму (например, ограничение свиданий или лишение родительских прав) [Thompson, Newell, 2021; Dennison et al., 2026]. На третьем уровне — стигматизация, с которой женщина сталкивается как в учреждении, так и в обществе, что препятствует формированию социальной поддержки и восстановлению чувства собственного достоинства [Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021]. Таким образом, вторичная виктимизация представляет собой многоступенчатый процесс, требующий комплексного вмешательства на всех уровнях [Kelman, www.kelman.com].

Психологические последствия материнской сепарации не могут быть адекватно поняты вне более широкого социо-экологического контекста, в котором осуществляется изоляция женщин [Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021]. Социо-экологическая модель, применяемая в исследованиях травмы, позволяет рассматривать уязвимость женщин к психотравмирующим последствиям на нескольких уровнях — индивидуальном, межличностном, общественном и институциональном [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. На индивидуальном уровне значимыми факторами выступают личный травматический опыт, психологические ресурсы и стратегии совладания; на межличностном — качество семейных отношений и социальная поддержка; на общественном — стигматизация и социальное неравенство; на институциональном — характеристики системы изоляции и доступность психологической помощи [Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021].

Ключевым выводом системного анализа является то, что уязвимость женщин к психологическим последствиям сепарации значительно усиливается наложением множественных факторов неблагополучия, которые предшествуют инкарцерации и сохраняются после освобождения [Masson, 2019]. Значительная часть женщин, подвергнутых изоляции, происходит из маргинализированных групп с низким социально-экономическим статусом, высоким уровнем безработицы и ограниченным доступом к качественному медицинскому обслуживанию [Glaze, Maruschak, 2016; Thompson, Newell, 2021]. Эти социальные детерминанты создают почву для формирования комплекса психологических проблем, который не только предрасполагает к правонарушениям, но и существенно затрудняет процесс реинтеграции после освобождения [Thompson, Newell, 2021].

Применение социо-экологической модели позволяет выявить механизмы, через которые социальное неравенство конвертируется в психологическую уязвимость [Masson, 2019]. На индивидуальном уровне низкий социально-экономический статус связан с ограниченными ресурсами совладания, недостаточным уровнем образования и ограниченным доступом к психологической помощи [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024]. На межличностном уровне маргинализация ведёт к разрыву социальных связей и снижению доступной социальной поддержки [Thompson, Newell, 2021]. На общественном уровне стигматизация создаёт барьеры для трудоустройства и восстановления опеки над детьми [Masson, 2019]. На институциональном уровне системы опеки и правосудия часто не имеют ресурсов и компетенций для работы со сложными социальными и психологическими проблемами женщин [Kelman, б.г.; Dennison et al., 2026].

Особого внимания заслуживает ситуация, в который попадают женщины после выхода из учреждений закрытого типа [Thompson, Newell, 2021]. Отсутствие жилья препятствует восстановлению опеки над детьми, а отсутствие опеки над детьми, в свою очередь, лишает женщину приоритетного права на получение жилья от государства [Thompson, Newell, 2021;

Masson, 2019]. Данная ситуация создаёт непреодолимый барьер на пути восстановления материнской идентичности и отношений с детьми, что предопределяет высокий уровень рецидивов и повторных инкарцераций [Masson, 2019; Dennison et al., 2026]. Исследования показывают, что женщины, утратившие опеку над детьми вследствие изоляции, испытывают значительно более высокий уровень психологического дистресса и имеют больше трудностей с социальной адаптацией по сравнению с теми, кому удалось восстановить семейные связи [Thompson, Newell, 2021].

Процесс реинтеграции женщин после освобождения из учреждений закрытого типа представляет собой критический период, во многом определяющий долгосрочные психологические исходы материнской сепарации [Thompson, Newell, 2021]. Восстановление материнской идентичности и отношений с детьми требует не только решения практических проблем жилья и трудоустройства, но и проведения целенаправленной психологической работы, направленной на преодоление чувства вины, стыда и неуверенности в своей способности выполнять родительские функции [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Имеющиеся данные свидетельствуют о том, что традиционные реабилитационные программы, ориентированные на мужскую популяцию, не учитывают специфических потребностей женщин-матерей и нередко усугубляют ощущение собственной несостоятельности и отчуждённости [Masson, 2019].

Программы, учитывающие гендерные особенности и ориентированные на психоэмоциональное восстановление, показывают многообещающие результаты в снижении симптомов депрессии и тревоги у женщин, покидающих учреждения закрытого типа [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Dennison et al., 2026]. Интервенции, включающие элементы осознанности, психообразования по вопросам связи между травмой и здоровьем, а также поддержку в управлении собственным здоровьем, способствуют уменьшению психологического дистресса и повышению качества жизни [Dennison et al., 2026]. Однако масштабирование подобных программ остаётся сложной задачей в условиях ограниченного финансирования и дефицита квалифицированных специалистов.

Критически важным аспектом реинтеграции является обеспечение возможности поддерживать и восстанавливать контакты с детьми на протяжении всего периода изоляции [Piontkowski et al., 2026]. Свидания, телефонные разговоры и переписка являются основными каналами сохранения эмоциональной связи и формирования представлений ребёнка о матери, находящейся в изоляции [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019]. Однако, как показывает практика, более половины родителей, подвергнутых изоляции, не имеют возможности видеться со своими детьми на протяжении всего срока [Glaze, Maruschak, 2016]. Препятствиями выступают как материальные факторы — удалённость учреждений и расходы на транспорт, так и психологические — страх ребёнка перед средой учреждения и напряжённые отношения между женщиной и теми, кто осуществляет временную опеку над ребёнком [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019].

Процесс восстановления материнской идентичности требует также работы с чувством вины, которое часто имеет иррациональный характер и не соответствует объективной ответственности женщины за совершенные правонарушения [Masson, 2019]. Психологическая работа должна быть направлена на дифференциацию чувства ответственности за совершённые действия и чувства ответственности за благополучие ребёнка, а также на развитие более реалистичных и адаптивных способов проявления заботы в условиях ограничений [Avlonitis, Abbott, 2026]. Эффективными стратегиями являются когнитивно-поведенческие интервенции,

направленные на пересмотр негативных автоматических мыслей о себе как о матери, а также нарративные подходы, позволяющие женщине заново осмыслить свою историю и отношения с ребёнком [Dennison et al., 2026; Masson, 2019].

Особое значение в процессе реинтеграции имеет поддержка со стороны семьи и сообщества [Thompson, Newell, 2021]. Женщины, имеющие доступ к социальной поддержке, демонстрируют более успешные результаты в восстановлении опеки над детьми и снижении рецидивов [Thompson, Newell, 2021; Dennison et al., 2026]. Однако многие женщины после освобождения сталкиваются с отчуждением со стороны семьи, которая могла взять на себя опеку над детьми и сформировать негативное отношение к матери [Masson, 2019]. Восстановление семейных связей требует времени, терпения и специализированной поддержки, которая редко доступна в рамках существующих реабилитационных программ [Kelman, б.г.; Thompson, Newell, 2021].

Заключение

Материнская сепарация, возникающая вследствие изоляции женщины от общества, представляет собой сложный, многоуровневый психологический феномен, оказывающий глубокое и длительное воздействие на психическое здоровье женщин, их материнскую идентичность и способность к социальной реинтеграции [Masson, 2019; Avlonitis, Abbott, 2026]. Универсальность данного феномена подтверждается исследованиями, проведёнными в различных национальных и культурных контекстах, что указывает на фундаментальные психологические механизмы, лежащие в основе переживаний разлучённой с ребёнком матери [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Masson, 2019]. Интенсивное горе, нарушение материнской идентичности, депрессия, тревога и самоповреждающее поведение представляют собой устойчивые паттерны психологического неблагополучия, требующие системного подхода к профилактике и коррекции [Avlonitis, Abbott, 2026; Sapkota, Dennison, Thompson, 2024].

Травма-информированный подход, учитывающий высокую распространённость травматического опыта среди женщин в условиях изоляции и предполагающий переосмысление институциональных практик, может выступать эффективной стратегией снижения негативных психологических последствий материнской сепарации [Kelman, б.г.; Masson, 2019]. Однако реализация такого подхода невозможна без системных изменений в пенитенциарной политике, включая расширение доступа к психологической помощи, создание условий для поддержания контакта с детьми, внедрение альтернативных мер воздействия для беременных женщин и матерей с малолетними детьми, а также разработку специализированных программ реинтеграции, учитывающих специфические потребности женщин-матерей [Masson, 2019; Dennison et al., 2026; Piontkowski et al., 2026].

Перспективным направлением дальнейших исследований является более детальное изучение механизмов восстановления материнской идентичности после освобождения, а также разработка и валидация психологических интервенций, направленных на преодоление долгосрочных последствий сепарационной травмы [Dennison et al., 2026; Avlonitis, Abbott, 2026]. Учитывая продолжающийся рост женской инкарцерации во всём мире, проблема психологического благополучия женщин-матерей в условиях изоляции не может оставаться на периферии научного и практического внимания, поскольку её решение имеет значение не только для самих женщин, но и для их детей, которые, по справедливому замечанию исследователей, становятся невидимыми жертвами системы, и для общества в целом,

заинтересованного в успешной социальной реинтеграции и снижении уровня рецидивной преступности [Glaze, Maruschak, 2016; Masson, 2019; Thompson, Newell, 2021].

Анализ системной уязвимости женщин, подвергаемых изоляции, позволяет сформулировать ряд практических рекомендаций для совершенствования пенитенциарной практики [Masson, 2019; Dennison et al., 2026]. Прежде всего, необходима разработка и внедрение стандартизированных процедур оценки психологических потребностей женщин при поступлении в учреждения закрытого типа, включающих оценку травматического анамнеза, характера отношений с детьми и доступных ресурсов социальной поддержки [Sapkota, Dennison, Thompson, 2024; Dennison et al., 2026]. Во-вторых, требуется создание специализированных программ психологической поддержки, направленных на работу с чувством вины, стыда и нарушенной материнской идентичностью, а также на развитие адаптивных стратегий совладания с тревогой и депрессией [Masson, 2019; Dennison et al., 2026]. В-третьих, необходимо обеспечение беспрепятственного контакта между матерью и ребёнком посредством организации регулярных свиданий в комфортных условиях, предоставления средств для телефонных разговоров и видеосвязи, а также создания возможностей для участия матери в образовательных и воспитательных процессах ребёнка дистанционно [Piontkowski et al., 2026; Masson, 2019].

Кроме того, важным направлением институциональных изменений является пересмотр процедур размещения беременных женщин и матерей с младенцами, которые должны основываться на принципах минимального вмешательства и максимального сохранения диады «мать-ребёнок» [Friedman, Kaempf, Kauffman, 2020; Masson, 2019]. Альтернативные меры воздействия для данной категории женщин, предполагающие возможность нахождения в специализированных центрах с сохранением совместного проживания с детьми, должны рассматриваться как приоритетные [Masson, 2019; Dennison et al., 2026]. Наконец, необходима разработка и реализация комплексных программ реинтеграции, охватывающих психологическую, социальную и практическую поддержку женщин после освобождения, с особым акцентом на восстановление материнской идентичности и отношений с детьми [Thompson, Newell, 2021; Dennison et al., 2026].

Библиография

1. Glaze L. E., Maruschak L. M. Parents in prison and their minor children. – 2016.
2. Masson I. Incarcerating motherhood: The enduring harms of first short periods of imprisonment on mothers. – Routledge, 2019.
3. Sapkota D., Dennison S., Thompson C. Mental disorders among mothers in contact with the criminal justice system: A scoping review and meta-analysis //Community mental health journal. – 2024. – Т. 60. – №. 4. – С. 699-712.
4. Thompson M., Newell S. Motherhood after incarceration: community reintegration for mothers in the criminal legal system – Routledge, 2021.
5. Piontkowski K. et al. “Will they know who I am?”: Contact between incarcerated mothers and their infants //Journal of Family Psychology. – 2026.
6. Avlonitis N., Abbott L. ‘Like having your heart ripped out’: Metaphors of loss and survival in the narratives of incarcerated mothers separated from their babies //Criminology & Criminal Justice. – 2026. – С. 17488958261443407.
7. Kelman J. Effective relational practice with women in prison //Transforming Relationships in Forensic Psychological Practice. – Routledge. – С. 112-129.
8. Dennison S. et al. Co-Creating a Blueprint for Correctional System and Intergenerational Change: Better Addressing the Needs of Incarcerated Mothers and Their Children //The Howard Journal of Crime and Justice. – 2026.
9. Friedman S. H., Kaempf A., Kauffman S. The realities of pregnancy and mothering while incarcerated //J Am Acad Psychiatry Law. – 2020. – Т. 48. – №. 3. – С. 365-375.
10. Berry P. E., Eigenberg H. M. Role strain and incarcerated mothers: Understanding the process of mothering //Women & Criminal Justice. – 2003. – Т. 15. – №. 1. – С. 101-119.

Psychological Trauma of Maternal Separation in the Context of Female Incarceration: Systematization of International Experience

Anna S. Elagina

PhD in Economics, Associate Professor,
Department of Economic Disciplines,
Jewish University,
127273, 6, Otradnaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: yelagina.anna@gmail.com

Aleksei V. Novikov

Doctor of Pedagogy, PhD in Law, Professor;
Member of the Russian Union of Journalists (Moscow regional branch);
Chief Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
Professor of the Department of Criminal Law and Law Enforcement, Astrakhan State University,
414056, 20-a, Tatishcheva str., Astrakhan, Russian Federation;
e-mail: novikov.pravo@mail.ru

Diana N. Slabkaya

Senior Researcher,
Scientific-Research Institute of the Federal Penitentiary Service of the Russian Federation,
125130, 15-a, Narvskaya str., Moscow, Russian Federation;
e-mail: sdn10.70@mail.ru

Abstract

The article is devoted to the analysis of the psychological consequences of maternal separation arising from the placement of a woman in conditions of isolation from society. Based on the systematization of modern empirical research and theoretical approaches, the universal mechanisms of traumatization associated with the separation of mother and child in penitentiary conditions are examined. It is shown that forced separation leads to a fundamental disintegration of maternal identity, which is accompanied by persistent affective disorders – depression, anxiety, feelings of guilt and shame, and in severe cases – self-harming and suicidal behavior. Particular attention is paid to the phenomenon of attachment disruption as the basic psychological mechanism underlying traumatic experiences. The necessity of applying a trauma-informed approach in penitentiary practice is substantiated, presupposing recognition of the adaptive nature of distress reactions and a reconsideration of institutional procedures for interaction with women who have children. From the standpoint of the socio-ecological model, the systemic vulnerability of women-mothers is analyzed, determined by a combination of individual, interpersonal, societal, and institutional factors, among which socio-economic inequality, stigmatization, and limited access to support resources are of particular importance. The problems of reintegration and restoration of maternal identity after

release are considered, including barriers associated with housing instability, loss of custody, and the deficit of specialized rehabilitation programs. It is concluded that effective overcoming of the consequences of separation trauma requires systemic changes in penitentiary policy, including expanded access to psychological assistance, the creation of conditions for maintaining contact with children, the introduction of alternative measures of influence for pregnant women and mothers with young children, as well as the development of gender-sensitive programs of social reintegration. The results of the research are of significance for the psychology of trauma, penitentiary psychology, social work, and the development of institutional policy in the sphere of the execution of sentences.

For citation

Elagina A.S., Novikov A.V., Slabkaya D.N. (2026) *Psikhologicheskaya travma materinskoy separatsii v kontekste zhenskoy inkarts eratsii: sistematizatsiya mezhdunarodnogo opyta* [Psychological Trauma of Maternal Separation in the Context of Female Incarceration: Systematization of International Experience]. *Psikhologiya. Istoriko-kriticheskie obzory i sovremennye issledovaniya* [Psychology. Historical-critical Reviews and Current Researches], 15 (7A), pp. 153-164. DOI: 10.34670/AR.2026.77.21.014

Keywords

Maternal separation, female incarceration, psychological trauma, maternal identity, attachment disruption, depression, anxiety, self-harming behavior, trauma-informed approach, socio-ecological model, reintegration, penitentiary psychology, victimization, stigmatization.

References

1. Glaze L.E., Maruschak L.M. (2016). Parents in Prison and Their Minor Children.
2. Masson I. (2019). *Incarcerating Motherhood: The Enduring Harms of First Short Periods of Imprisonment on Mothers*. Routledge.
3. Sapkota D., Dennison S., Thompson C. (2024). Mental Disorders among Mothers in Contact with the Criminal Justice System: A Scoping Review and Meta-Analysis. *Community Mental Health Journal*, 60(4), 699-712.
4. Thompson M., Newell S. (2021). *Motherhood after Incarceration: Community Reintegration for Mothers in the Criminal Legal System*. Routledge.
5. Piontkowski K. et al. (2026) "Will They Know Who I Am?": Contact between Incarcerated Mothers and Their Infants. *Journal of Family Psychology*.
6. Avlonitis N., Abbott L. (2026) 'Like Having Your Heart Ripped Out': Metaphors of Loss and Survival in the Narratives of Incarcerated Mothers Separated from Their Babies. *Criminology & Criminal Justice*, 17488958261443407.
7. Kelman J. (n.d.). Effective Relational Practice with Women in Prison. In *Transforming Relationships in Forensic Psychological Practice* (pp. 112-129). Routledge.
8. Dennison S. et al. (2026) Co-Creating a Blueprint for Correctional System and Intergenerational Change: Better Addressing the Needs of Incarcerated Mothers and Their Children. *The Howard Journal of Crime and Justice*.
9. Friedman S.H., Kaempf A., Kauffman S. (2020). The Realities of Pregnancy and Mothering while Incarcerated. *Journal of the American Academy of Psychiatry and the Law*, 48(3), 365-375.
10. Berry P.E., Eigenberg H.M. (2003). Role Strain and Incarcerated Mothers: Understanding the Process of Mothering. *Women & Criminal Justice*, 15(1), 101-119.